МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

М.В. Стрежнева*

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ЕВРОСОЮЗА ПРИНЦИПУ МНОГОСТОРОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА**

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН)
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Федеральное автономное государственное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

В настоящей статье автор на основе анализа документов ЕС и работ западных, прежде всего европейских, теоретиков и экспертов раскрывает специфику видения правящими кругами Евросоюза складывающегося мирового порядка и отталкивающейся от этого видения концептуальной основы внешней политики ЕС, которую составляет концепция «эффективной многосторонности». Суть этой концепции — в приверженности правовым обязательствам, которые готовы брать на себя государства, и влиятельным международным режимам. Как показывает автор, в самом начале 2000-х годов в ЕС надеялись, что их модель «эффективной многосторонности» станет глобальным стандартом, но такие надежды на сегодняшний день не оправдались. На фоне опережающего роста поднимающихся держав, в первую очередь Китая, глобальный финансовый кризис и кризис суверенных долгов в еврозоне подточили фундамент позиций интегрированной Европы в мире. С тем бо́льшим беспокойством европейцы относятся к нарастанию многополярности,

* *Стрежнева Марина Вадимовна* — доктор политических наук, доктор философии (по политическим наукам) Манчестерского университета, заведующий сектором, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН); профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (e-mail: m.strezhneva@imemo.ru).

** Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 15-18-30069 «Кризис миропорядка: ответы экспертного сообщества».

способной вести к усугублению внутренних противоречий и расколов в ЕС и сокращению его международной роли.

Выступая в качестве глобального игрока, Европейский союз стремится противопоставить этой тенденции продвижение *многостороннего* мирового порядка, основанного на определенных правилах, и выработать ответы на глобальные вызовы в сотрудничестве с международными и региональными организациями, отдельными ключевыми государствами и негосударственными акторами. Автор подчеркивает, что, хотя подходы Евросоюза к мировому порядку в чем-то созвучны российским представлениям, они совпадают с ними далеко не полностью. Если в России главный акцент при описании желаемого мирового порядка обычно делается на полицентризме (многополярности), то для ЕС принципиально важна именно многосторонность, интерпретируемая как форма коллективного транснационального действия и сотрудничества между государствами в том, что касается глобального управления и мировой политики. Понимание подобных нюансов может оказаться полезным в поисках выхода из нынешнего острого кризиса в отношениях России с Европейским союзом.

Ключевые слова: Европейский союз, «эффективная многосторонность», полицентризм, многополярность, мировой порядок, стратегические партнерства.

Обнародование в конце июня 2016 г. Глобальной стратегии Евросоюза[1] дает повод вернуться к обсуждению места этого объединения на международной арене. ЕС представляет собой крупнейший в мире рынок и важный пункт назначения для экспорта многих развивающихся и развитых стран. Он сыграл позитивную роль в заключении в конце 2015 г. Парижского соглашения в контексте Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Он участвует в глобальном миротворчестве и является крупнейшим донором помощи развитию в мире. Однако в то же время происходящие в последние годы политические и экономические подвижки порождают более сложную и менее благоприятную для ЕС международную среду.

С одной стороны, нарастание полицентричности (как минимум в том, что касается экономики) ведет к снижению концентрации экономической активности в ядре международной системы и нарастанию такой активности вне традиционного ядра, к которому относится и ЕС. С другой стороны, глобальный финансовый кризис, выход из которого дался Евросоюзу чрезвычайно тяжело, и в особенности кризис суверенных долгов в еврозоне подточили фундамент международного положения интегрированной Европы,

[1] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. Available at: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 19.10.2016).

негативно отразившись на ее ранее безупречной репутации. Некоторые европейские страны стали получателями международной помощи, а ЕС в ряде случаев оказался в зависимости от третьих стран в решении сложнейших собственных проблем. Неспособность ЕС самостоятельно справиться с миграционным кризисом и Brexit (перспектива выхода из Евросоюза Великобритании) дополнительно усугубили ситуацию. С тем большим беспокойством лидеры ЕС относятся к нарастанию того, что они называют многополярностью (*multipolarity*), усматривая в ней опасность дальнейшего углубления внутренних противоречий и расколов в Евросоюзе и сокращения его международной роли.

Так, Мануэль Баррозу, будучи главой Европейской комиссии, предостерегал: «Было бы неблагоразумно пренебрегать рисками, которые связаны с многополярностью. Быстрый взгляд на европейскую историю дает массу свидетельств того, насколько опасно понимание стратегий многополярности в категориях экспансии и соревнования за господство. Стратегическое соперничество между великими державами часто приводило к войнам в Европе — вплоть до середины XX столетия»[2]. Среди стран — членов ЕС отсутствует согласие в вопросе о том, является ли достижение/продвижение многополярности внешнеполитической целью Евросоюза [см. подробнее: Scott, 2015], что связано и с расхождением во мнениях по поводу американо-европейских отношений, и с разногласиями в оценке необходимости для ЕС становиться великой державой в традиционном смысле (т.е. наращивать собственный военный потенциал). Многополярность, в основе которой лежало бы соперничество великих держав, весьма неблагоприятна для интегрированной Европы: как справедливо замечают эксперты Центра европейской реформы Чарльз Грант и Томас Валасек, в глобальной системе, расколотой по идеологическим линиям, для европейцев было бы гораздо сложнее решать проблемы, которые они считают наиболее насущными, а именно изменение климата, экономическое развитие беднейших стран и борьба с распространением оружия массового уничтожения [Grant, Valasek, 2007], а также с терроризмом.

В результате следует, по-видимому, согласиться с тем, что для Евросоюза как уникального международного игрока наблюдаемое ныне усиление элементов многополярности в международной системе составляет более сложный и неоднозначный вызов, чем, скажем, для Китая или России. Этим обусловлен особый акцент на идее

[2] Barroso J.M.D. The European Union and multilateral global governance SPEECH/10/322 Florence, 18 June 2010 // European Commission Press Release Database. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-10-322_en.htm (accessed: 09.09.2016).

многосторонности в европейских подходах: она подчеркивает необходимость сотрудничества между основными игроками международной сцены (и привлечения к такому сотрудничеству других государств) в условиях нарастания многополярности, представляющего собой объективный процесс.

В настоящей статье на основе анализа документов ЕС и работ западных, прежде всего европейских, теоретиков и экспертов раскрывается специфика видения правящими кругами Евросоюза складывающегося мирового порядка с акцентом на аспекте его организации/управляемости. Это в*и*дение непосредственно отражается в концептуальных основах внешней политики Евросоюза, в частности в концепции «эффективной многосторонности». Суть этой концепции — в приверженности правовым обязательствам, которые готовы брать на себя государства, сотрудничая в решении глобальных проблем. Европейский союз нацелен на продвижение мирового порядка, основанного на определенных правилах (*rule-based*), в формировании и поддержании которых он претендует на одну из ключевых ролей. В этой связи ЕС стремится разделить ответственность со своими партнерами и последовательно подтверждает свое намерение содействовать реформе ООН, включая Совет Безопасности (в рамках ООН у Евросоюза статус наблюдателя[3]), и международных финансовых институтов[4]. Он нацелен на углубление своих связей с гражданским обществом и представителями частного сектора в третьих странах. При этом Евросоюз селективно подходит к заключению партнерств с третьими странами, сотрудничество с которыми считает необходимым для обеспечения глобального общего блага и нахождения действенного ответа на общие вызовы. Сопоставление европейских трактовок многополярности с российскими интерпретациями, проведенное в этой работе, дает некоторые основания для выводов о степени предрасположенности ЕС и России к взаимопониманию и сотрудничеству в решении глобальных проблем.

Основное содержание и нюансы концепции «эффективной многосторонности», как и ее значение в определении роли Евросоюза в условиях трансформации мирового порядка, хорошо изучены в европейской научной литературе [см. подробнее: The EU and

[3] EU priorities at the United Nations and the 71st UN General Assembly // European Union Delegation to the United Nations. Available at: http://eu-un.europa.eu/eu-priorities-united-nations-71st-unga/ (accessed: 12.09.2016).

[4] ЕС, как и США, не заинтересован в утрате Западом контроля над такими организациями, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, однако европейское объединение в целом и его ведущие участники поддержали пересмотр квот в МВФ в пользу развивающихся стран, подразумевающий сокращение доли европейских государств [подробно по теме см.: Amtenbrink, 2013: 243–258].

effective multilateralism. Internal and external reform practices, 2014; The European Union and multilateral governance, 2012; Kissack, 2010]. Однако среди российских специалистов, на наш взгляд, сложилось довольно схематичное представление об этой концепции, в силу чего между понятиями «многополярность» и «многосторонность» в публикациях отечественных авторов часто ставится или подразумевается знак равенства. Как следствие, близость европейских и российских подходов к складывающемуся мировому порядку может преувеличиваться. В этом суть исследовательской проблемы, к которой адресуется настоящая статья, поскольку правомерный вывод о близости или различии позиций двух сторон может быть скомпрометирован неточным толкованием концептуальных основ международной политики одной из них.

Следующий раздел статьи посвящен анализу того, какой именно мировой порядок желателен с точки зрения Европейского союза как наиболее интегрированной региональной ассоциации государств в мире. За ним следует раздел, в котором многосторонность рассмотрена как теоретический концепт, разработанный американскими учеными, и в практике ее применения Евросоюзом. Отдельный раздел посвящен отношениям, выстраиваемым ЕС со странами, которые он считает своими стратегическими партнерами. Подобные партнерства, взятые в совокупности, составляют сегодня главную доступную ЕС форму реализации многосторонности в его международной политике. Статью завершают общие выводы автора касательного вероятных действий Евросоюза в условиях складывающегося мирового порядка, достаточно далекого от европейских предпочтений.

* * *

Словосочетание «мировой порядок» большинством авторов, которые к нему прибегают, используется без дополнительных пояснений, как если бы смысл его был однозначен и всем заранее известен. На самом деле никто не знает точно, что это такое. В науке о международных отношениях есть несколько школ, спорящих между собой, и у каждой из них собственная картина мирового порядка.

Так, реалисты усматривают в мировом порядке систему государств, в которой распределение «жесткой силы» порождает многополярность, биполярность или однополярность. Как пишет Джозеф Най, в глазах реалистов, в традиции Ричарда Никсона и Генри Киссинджера, международную политику ведут суверенные государства, которые уравновешивают мощь друг друга, а мировой порядок есть следствие стабильного распределения силы между крупнейшими государствами [Nye, 1992]. В современных условиях

значимость «жесткой силы» нарастает, что ведет к повышению или возрождению популярности подобных взглядов. Однако для изучения глобальной роли ЕС данная школа подходит в наименьшей возможной степени, поскольку Евросоюз не является государством. В мировой политике это объединение позиционируется как *sui generis* (единственное в своем роде образование), как нормативная сила, воздействующая на мировой порядок средствами прямого и опосредованного убеждения, собственным примером [Manners, 2002], или как гражданская сила [Telo, 2006].

Между тем о мировом порядке сначала заговорили как раз те, кто взялся оспаривать реалистские догмы. Первым был представитель английской школы Хедли Булл [Булл, 1997]. В 1977 г. он опубликовал книгу под названием «Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике», в которой обрисовал международный порядок с участием государств, отличный от реалистской картины анархичной международной системы, восходящей к Томасу Гоббсу. Х. Булл говорил о порядке как о характере активности, которая сама, в отсутствие иерархии в структуре, может вести к достижению цели. Так, для сравнения, рынок, на котором работают условия конкуренции, можно назвать порядком, подчиненным определенной логике, подспудно обеспечивающим повышенную производительность, хотя это и не является целью кого-то из участников рынка. Мировой (постсуверенный) порядок Х. Булл рассматривал в общем плане как концепт в большей мере нормативный, в отличие от уже наблюдаемого им порядка международного.

Авторы, изучающие политэкономию международных отношений, а также (нео)марксисты в свою очередь чаще приравнивают мировой порядок к глобальной капиталистической экономике. Например, Роберт Кокс, приверженец критической школы в теории международных отношений, в 1981 г. заговорил о мировом порядке, главной отличительной чертой которого являются изменения, продуцируемые трансформацией мировой экономической системы [Cox, 1981]. В созвучии с такими подходами Николай Косолапов, исследуя БРИКС как международное политическое пространство, указывает на проблему взаимосвязи рынков и государств этого объединения с мировым экономическим и политическим порядком: «Для эффективного использования подобные рынки должны быть встроены в сложившуюся систему мировых политико-экономических отношений и быть лояльны этой системе — в противном случае расходы на преодоление и/или страхование политических рисков могут сделать их нерентабельными или неприемлемо рискованными» [Косолапов, 2013].

Наконец, Энн-Мари Слотер говорит о будущем «сетевом мире», на пути к которому государства вовлекаются в горизонтальные и вертикальные сети, разрушающие грань между их внешней и внутренней политикой. Более 10 лет назад ею была сформулирована яркая идея трансправительственных сетей (*trans-governmental networks*), которая вызвала большой интерес у специалистов, но несколько поблекла с тех пор. Она предполагала появление особой формы глобального управления, при которой президенты, премьер-министры, министры иностранных дел, регулирующие агентства, парламенты и суды отдельных стран вступают между собой в горизонтальные связи. В итоге возникает новый мировой порядок, в котором транснациональная гармонизация замещает собой узконаправленные национальные интересы. Э.-М. Слотер выделила Европейский союз как образец для такого мирового порядка, оговорившись, что мир в целом сильно отличается от ЕС, т.е., по ее словам, глобальным сетям приходится действовать «при значительно менее низких уровнях доверия и однородности между участниками», чем в Европе [Slaughter, 2004: 134].

Однако судить о европейских ориентирах и предпочтениях в подобных вопросах полезнее на основании публикаций шведского исследователя Бьорна Хеттне, который предложил собственную классификацию мировых порядков, а по сути — квинтэссенцию европейского в*и*дения данной темы, отталкиваясь от упомянутых нами классических работ [Hettne, 2007: 112–113]. По мнению ученого, в политическом смысле варианты мирового порядка могут различаться:

– с точки зрения структуры (формы полярности меняются в зависимости от распределения мощи и ресурсов, т.е. может быть порядок однополярный, биполярный или многополярный, причем полярность может характеризовать отношения не только между великими державами, но и между регионами, которые, в отличие от реалистской схемы, не обязательно враждебны друг другу);

– с точки зрения управления (способы влияния на принятие решений, разработку и проведение их в жизнь, т.е. мировой порядок односторонний, плюрилатеральный[5] либо многосторонний);

– с точки зрения легитимности (базис, который делает систему приемлемой для составляющих ее частей, т.е. порядок может быть основан на международном праве, на гегемонии одной великой державы в форме устраивающего других лидерства либо на откровенном доминировании, опирающемся на силовое принуждение, предотвращение нежелательных для доминирующей державы действий и захват).

[5] С ограниченным кругом (числом) участников.

Как мы видим, в этой классификации выделены три взаимосвязанных аспекта: структурный (он один только и интересует реалистов), организационный и социокультурный, что хорошо отражает комплексность европейского подхода. При этом организационный аспект, как представляется, с точки зрения этого подхода самый главный: речь идет о такой модели мирового порядка, которая прежде всего могла бы дать убедительный институциональный и политический ответ на условия взаимозависимости в мире.

Регионализм (региональную интеграцию) Б. Хеттне выделяет именно по организационному принципу: как форму плюрилатерализма, построенную на географической близости участников и выгодно отличающуюся от односторонности, которая подрывает коллективные договоренности и может нежелательным образом открыть путь к империализму (однополярности). Из предложенной ученым схемы следует, что Европа может в принципе разделять с прочими центрами силы интерес к созданию противовеса американскому влиянию. По мнению Б. Хеттне, межрегионализм (связи между региональными группировками) — хорошее подспорье для принципа многосторонности, что в наибольшей мере соответствует подходу ЕС к мировому порядку, но такую перспективу можно было бы перевести в практическую плоскость лишь в долговременном плане.

Если вернуться к структурному аспекту мирового порядка в предложенной Б. Хеттне классификации, то термин «многополюсность» (многополярность, мультиполярность) характеризует рост числа акторов (Китай, Индия, Россия, Бразилия), способных ограничивать мощь коллективного Запада (США и ЕС). Соответственно мы можем утверждать, что сейчас мировая экономика трансформируется из «однополярной» в «многополярную», в которой Запад доминирует с куда меньшей уверенностью, чем прежде. В то же время этот термин влечет за собой представление об определенной доли автономии и отдельности каждого «полюса», вследствие чего из поля зрения исследователя как бы выпадают элементы взаимозависимости современного мира и комплексности глобальных проблем, к чему европейцы очень внимательны.

При этом в России специалисты и эксперты чаще говорят не о многополюсности (многополярности), а о (бесполюсной) полицентричности [Баталов, 2012], в то время как в ЕС продолжают широко использовать в приложении к современной ситуации первый, более привычный, термин, за которым тянется шлейф негативных коннотаций, связанных с политикой баланса сил XIX и первой половины XX в. И если многосторонность, которую Евросоюз продвигает, ассоциируется с приверженностью международ-

ному праву, то многополярность сама по себе — это существенно менее привлекательная власть нескольких больших, мощных государств, к тому же постоянно провоцирующая нестабильность.

Идея полицентричности свободна от исторических наслоений и лучше отражает представление о взаимосвязанном современном мире, в котором определенная доля международного сотрудничества совершенно необходима. Впрочем, многие исследователи [Lo, 2015: 44] (включая автора настоящей статьи) смысловую разницу между этими терминами («полицентризм» и «многополярность») в их нынешнем употреблении продолжают считать номинальной (не слишком существенной). Более проблематичной выглядит трактовка как равнозначных или совместимых понятий «многополярность» и «многосторонность» [Громыко, 2012: 62; Портяков, 2013]. Суть проблемы в том, что термины «многополярность» и «полицентризм» более созвучны государствоцентричному пониманию мировой политики, которое принижает международную роль негосударственных акторов (таких как международные организации, наднациональные институты, неправительственные организации, трансправительственные сети) и не вяжется с образом Евросоюза, олицетворяющего собой наднациональную бюрократию. Как минимум государствоцентричный подход открывает поле для бесконечной и малопродуктивной дискуссии по поводу того, можно ли вообще или в каком смысле допустимо считать ЕС «полюсом» или «центром» на равных с великими державами.

Исходя из той картины мирового порядка, которую нарисовал Б. Хеттне, приравнивать многополярность к многосторонности нельзя: это значит путать категории и уровни анализа. С ним, по крайней мере отчасти, согласен и американский эксперт Джон Ван Уденарен: по его словам, нет причин, по которым ведущая держава в однополярном порядке не может вести многостороннюю внешнюю политику и которые, напротив, заставили бы ключевые державы в мультиполярной системе непременно придерживаться многосторонности [Oudenaren, 2003; 2004].

Другие европейские ученые [Grevi, 2009] обращают внимание на то, что в современных условиях нарастающая многополюсность сочетается с взаимозависимостью, связанной с проблематикой экономического роста, энергетической безопасности и экологической устойчивости. Растущие державы используют свои экономические возможности для усиления политического влияния в мире и укрепления военной мощи (так происходит горизонтальная диффузия силы). Вместе с тем в качестве новых влиятельных международных акторов выступают города, регионы и наднациональные институты (наблюдается вертикальная диффузия). По словам Джо-

ванни Греви, вследствие одновременного сочетания этих разных тенденций рождается интерполярный (*interpolar*)[6] мир, что и создает потребность в наращивании международного сотрудничества в противостоянии глобальным вызовам. Однако нарастающая взаимозависимость мира в сочетании с геополитическим соперничеством, провоцируемым подъемом новых держав, может вести не только к усиленному сотрудничеству, но и к нарастанию нестабильности и напряженности. В частности, усиление стран БРИКС придало мировому порядку изменчивость, которая беспокоит Евросоюз, стремящийся к тому, чтобы поставить эти изменения в некие многосторонние рамки[7].

Классики реализма, такие как Ганс Моргентау и Эдвард Хьюлитт Карр, полагали, что многополюсные системы стабильнее биполярных, поскольку в них великие державы могут нарастить свое влияние с помощью альянсов и малых войн, не бросая прямого вызова другим державам. Однако в Евросоюзе не все готовы соглашаться с подобной логикой. В политических и академических кругах высказывается мнение, что растущее число и разнообразие государств, обладающих достаточным весом в мировой экономике для того, чтобы было нужно прислушиваться к их голосу в вопросах международного управления, может произвести опасный центробежный эффект в международной системе, поскольку растущие страны, по оценкам европейских экспертов, пока не демонстрируют позитивной ответственности — намерения взять на себя часть бремени лидерства в глобальном управлении, разделив его с Западом [Keukeleire, Hooijmaaijers, 2014][8].

Согласно подобным оценкам до сих пор большинство новаций в транснациональном управлении исходят от западных акторов (государств, неправительственных организаций, корпораций и международных организаций), а не от новых центров силы. Нежелательным результатом этого, если не позаботиться о реформе «Большой двадцатки» и многосторонних структур, занимающихся глобальным управлением, может стать мультиполярность без многосторонности, в которой на первый план вновь выйдут отношения между великими державами и геополитика [Wade, 2011].

Такое беспокойство находит согласный отзвук в России. В Стратегии национальной безопасности РФ говорится о формировании «новой полицентричной модели мироустройства», которое «со-

---

[6] Соединяющий полюса или расположенный между полюсами.

[7] Ham P.V. The BRICS as an EU security challenge. The case for conservatism // Clingendael Report. September 2015. Available at: https://www.clingendael.nl/pub/2015/the_brics_as_an_eu_security_challenge/ (accessed: 12.09.2016).

[8] Ibidem.

провождается ростом глобальной и региональной нестабильности»[9]. В монографии «Глобальное управление: возможности и риски», опубликованной в ИМЭМО, читаем: «С точки зрения российских интересов необходимо, чтобы в обеспечении полицентричности адекватную роль играли адаптированные к требованиям современного мира международные механизмы. Если количество центров силы будет умножаться без параллельного развития консенсусных международных договоренностей, Россия может оказаться оттесненной от процесса принятия решений другими более успешными игроками» [Глобальное управление: возможности и риски, 2015: 302].

* * *

Понятие многосторонности европейские авторы развивают прежде всего в тесном диалоге с американскими теоретиками и политиками. До 1990-х годов многосторонность вообще не относилась к числу ключевых и проработанных концепций, таких как, скажем, анархия или взаимозависимость [Caporaso, 1992; Peterson, Bouchard, 2014]. Это, по-видимому, было связано с преобладанием в теории международных отношений американских авторов, которые не придавали многосторонности исключительного значения.

Однако сразу по завершении «холодной войны» общий энтузиазм по поводу международных институтов вызвал заметный рост числа теоретических работ по многосторонности, в том числе в США. Так, в определении Роберта Кеохейна, речь идет о «практике координации национальных курсов в группах по три или более государств, осуществляемой от случая к случаю или посредством институтов», принимающих форму международных режимов либо бюрократических организаций [Keohane, 1990: 731]. Впрочем, Джон Рагги вскоре раскритиковал это определение как поверхностное и игнорирующее «качественное измерение данного явления» [Ruggie, 1992: 564]. Для него многосторонность означала координацию отношений между тремя или большим числом государств — в согласии с определенными принципами, подчиняющими себе эти отношения. Она непременно влечет за собой институционализацию, но часто наблюдается в отсутствие международных организаций, которые «появились относительно недавно и пока не обрели существенного значения» [Ruggie, 1992: 568]. Более современное определение многосторонности звучит следующим образом: это «три или более акторов, вовлеченных в добровольное и, по боль-

[9] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2015. Доступ: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (дата обращения: 09.09.2016).

шей части, институционализированное международное сотрудничество, подчиненное нормам и принципам, с правилами, которые, в общем и целом, в равной степени применяются ко всем государствам» [Peterson, Bouchard, 2014: 18].

При этом американское понимание многосторонности всегда было настолько неразрывно связано с национальными интересами США, что его можно назвать инструментальным. Мадлен Олбрайт, государственный секретарь США (1997–2001) в администрации У. Клинтона, настаивала, что Америке следует проводить курс наступательной многосторонности (*assertive multilateralism*), в большей мере опираясь на международные институты, правила и партнерства. Однако, как напоминает европейский эксперт Алваро де Васконселос, достаточно скоро в США «эта концепция пала жертвой стратегических дебатов, которые последовали за чудовищными трудностями американской интервенции в Сомали под мандатом ООН и позже — после боснийской катастрофы» [Васконселос, 2011]. По завершении президентства У. Клинтона США стали подходить к международным договорам и организациям более селективно, что породило рассуждения о «кризисе многосторонности» [Newman, 2007]. В целом для Соединенных Штатов многосторонность — лишь одна в ряду стратегий, к которым они могут прибегнуть на международной арене. Администрация Барака Обамы представила собственное в*и*дение многосторонности[10], но она и сейчас не является для Америки главным внешнеполитическим инструментом, как для ЕС или, скажем, Канады. По словам Роберта Кагана[11], европейцы вынуждены придерживаться многосторонности, поскольку у них просто нет другого выбора — в отличие от США, которые при необходимости могут с успехом действовать и в одиночку. Иными словами, он считает многосторонность «оружием слабых», которым не достает мощи, чтобы навязать другим решения международных проблем, соответствующие их собственным интересам.

На наш взгляд, Р. Каган напрасно абсолютизировал обнаруженное им различие — Евросоюзу билатеральные (двусторонние) подходы тоже не чужды, т.е. он выбирает многосторонность далеко не во всех без исключения случаях. Так, в торговой политике ЕС

---

[10] Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U.S. Military Academy — West Point. 28 May 2014 // The White House. Available at: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-united-states-military-academy-commencement-ceremony (accessed: 01.09.2016).

[11] Kagan R. Multilateralism, American style // The Washington Post. 13 September 2002. Available at: http://carnegieendowment.org/2002/09/13/multilateralism-american-style (accessed: 25.07.2016).

в 2006 г. произошел поворот от многосторонности (упора на ВТО) к двусторонности, что было связано с тупиковым состоянием так называемого Дохийского раунда, начавшегося в 2001 г., в котором бесконечные споры развитых стран с развивающимися наглядно продемонстрировали низкую эффективность многосторонних переговоров по торговле.

В то же время в современных условиях США и ЕС, несмотря на свою мощь, не в состоянии самостоятельно справляться с серьезными вызовами, особенно если речь идет о финансовых кризисах и их предотвращении в будущем[12]. Этим объясняется их (и прежде всего Европейского союза) активный интерес к построенным на многосторонних договорах сильным региональным и глобальным институтам, которые они готовы рассматривать в качестве основы будущего мирового порядка. Однако возросшее число крупных глобальных игроков осложняет задачу достижения общих интересов в рамках существующих многосторонних институтов.

О преимуществах «эффективной многосторонности» Евросоюз впервые заявил в Европейской стратегии безопасности (ЕСБ) 2003 г., где читаем: «В мире глобальных угроз, глобальных рынков и глобальных массмедиа наши безопасность и благосостояние во все большей мере зависят от эффективности многосторонней системы»[13]. В Лиссабонском договоре 2007 г. (п. 2h ст. 21 Договора о Европейском союзе) записано, что Союз добивается «развития международной системы, основанной на усиленном многостороннем сотрудничестве и хорошем глобальном управлении». В 2008 г. был обнародован доклад о ходе имплементации ЕСБ[14], где утверждалось, что двусторонние партнерства ЕС с ключевыми третьими странами преследуют цель выстраивания «эффективной многосторонности». Та же идея проводится в монографии Института по изучению вопросов безопасности ЕС (The EU Institute for Security Studies, Париж) [Partnerships for effective multilateralism: EU relations with Brazil, China, India, and Russia, 2008].

---

[12] В частности, содействие стран БРИКС в преодолении европейского финансового кризиса выразилось в 2012 г. в их вкладе общим объемом в 75 млрд долл. в фонд финансовой помощи в форме кредитов со стороны МВФ для пострадавших государств еврозоны. Взамен члены БРИКС настаивали на реформе международных финансовых институтов с целью сделать их более представительными и отразить в них растущий вес развивающихся стран.

[13] A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy (ESS) // The European Council. Council of the European Union. 2003. P. 10. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf (accessed: 20.08.2016).

[14] Report on the Implementation of the European Security Strategy — Providing Security in a Changing World // The European Council. Council of the European Union. Brussels, 11 December 2008. Available at: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/104630.pdf (accessed: 21.08.2016).

Замысел появления ЕСБ-2003 состоял в том, чтобы: 1) обеспечить сплочение Евросоюза; 2) увязать его цели и средства; 3) укрепить легитимность его международной активности. «Эффективная многосторонность», краеугольными камнями которой выступали ООН и ВТО, была представлена в этом документе как путь к глобальному управлению и управляемой многополюсности. Она подразумевала действенность международных организаций, режимов и договоров в противостоянии глобальным вызовам и угрозам, ведь вопросы международной значимости предпочтительно решать не от случая к случаю в кругу отдельных стран, а создав для этого общую систему правил и институтов, которые признают большое число государств.

«Эффективная многосторонность» должна была к тому же опереться на прочное региональное управление, чем подчеркивалась значимость продвижения проектов региональной интеграции по всему миру согласно представлению о том, что европейский интеграционный проект — это, по сути, воплощение идеи международного порядка, построенного на общих правилах [Langenhove, 2011].

Понятно, что приоритеты региональной интеграции составляют важнейшую часть идентичности ЕС. Межрегионализм (взаимоотношения с другими региональными группировками мира) в свою очередь уже стал для ЕС одним из основных направлений его внешней политики, которое хорошо сочеталось с «эффективной многосторонностью». ЕС связали особые отношения с Африканским союзом, Сообществом стран Латинской Америки и Карибского бассейна и с НАТО. Глобальная стратегия Евросоюза 2016 г. подтвердила его верность (меж)регионализму: там говорится о намерении и далее вносить свой вклад в складывание региональных порядков и в сотрудничество между регионами и внутри них[15].

Впрочем, в подобных действиях ЕС сталкивается с соперничеством со стороны других глобальных игроков. Китай преследует свои интересы на основе системы двусторонних отношений и новых многосторонних институтов, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Для России безусловным внешнеполитическим приоритетом является укрепление взаимодействия в рамках СНГ, Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности, при этом Россия стремится к углублению контактов ЕАЭС с другими интеграцион-

[15] Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // European Union External Action. Available at: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 15.09.2016).

ными объединениями — не только Евросоюзом, но также ШОС и АСЕАН. Азиатские же и латиноамериканские страны строят собственные институты регионального финансового управления, стремясь уйти из-под влияния Бреттон-Вудских институтов (МВФ и Всемирного банка), в которых главенствует Запад [Saxer, 2009].

БРИКС и альянсы растущих держав иных конфигураций, как и многосторонние организации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и на глобальном Юге, являют собой мир, в котором ЕС по большей части не представлен и где его оценивают менее позитивно и в целом меньше им интересуются, чем это следует из традиционного восприятия Европой самой себя. В этом ряду БРИКС составляет «одно из накладывающихся друг на друга и не относящихся к Западу формирований», в совокупности образующих серьезный элемент в постепенной трансформации глобального политического ландшафта, на которую Евросоюзу трудно повлиять [Gowan, 2012: 167].

Обращение ЕС к «эффективной многосторонности» именно в 2003 г. отразило реакцию европейцев на нараставшую в то время односторонность в действиях США. В тот момент отчетливо проявились разногласия между НАТО и ЕС, вызванные начатой Вашингтоном весной 2003 г. войной в Ираке, по поводу чего основными оппонентами Соединенных Штатов выступили Берлин, Париж и Москва. Однако продвижение в дальнейшем Евросоюзом идей «эффективной многосторонности» на международной арене нельзя назвать во всем успешным. Весьма показательными были, например, провальные для Евросоюза итоги Конференции ООН по изменению климата 2009 г. в Копенгагене. Как заметили Луиз ван Шейк и Баренд тер Хаар, назвавшие этот эпизод симптоматичным, «продвигать эффективную многосторонность не значит пассивно ожидать, что другие воспримут европейские взгляды и стандарты как должное» [Schaik, Haar, 2013: 2]. Парижское климатическое соглашение, заключенное в декабре 2015 г., не содержит прямых юридических обязательств, что следует расценить как результат готовности ЕС (ради достижения позитивного результата) несколько отойти от своей принципиальной позиции по многосторонности там, где ее не разделяют партнеры.

В качестве одного из центральных институтов глобального управления, демонстрирующих некоторые черты многосторонности, выделим также «Группу двадцати». Формирование G20 на уровне министров финансов в 1999 г. и ее переход в 2008 г. на высший уровень глав государств и правительств, новые глобальные правила банковского надзора, известные как Базель-3, одобренные на саммите в Сеуле в ноябре 2010 г., — эти и другие события и обстоятельства, включая реформу управления в G20 и в Бреттон-

Вудских институтах (МВФ и Всемирном банке), начатые в 2008 и 2010 гг. соответственно[16], были с энтузиазмом восприняты ключевыми игроками как важные вехи на пути к реализации многосторонности.

В то же время бросается в глаза, что G20 страдает от серьезного дефицита подотчетности (отсутствия контроля со стороны демократически избранных политических представителей), а это мешает продвижению реформ глобального регулирования. Вместе с тем нет свидетельств того, что страны ЕС, являющиеся полноправными членами G20 (Германия, Франция, Великобритания, Италия), готовы уступить свои места в ней ради консолидации представительства самого Евросоюза (ныне он является членом G20 наряду с 19 государствами, включая 4 собственных членов). Почувствовавшие силу поднимающиеся державы в свою очередь не только нацелены на реформирование таких многосторонних институтов, как G20, Всемирный банк и МВФ[17], но и подступаются к ревизии сложившейся многосторонней системы. Об этом свидетельствуют, например, успешный старт предложенного Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и создание Нового банка развития БРИКС.

Наконец, весьма символичным можно назвать фактический провал в 2011 г. объявленной от лица ЕС французским президентом Николя Саркози на саммите G20 в Каннах инициативы о глобально скоординированном налоге на финансовые трансакции (ставящем заслон спекуляциям, которые угрожают финансовой стабильности)[18]. Часть средств от этого налога, согласно европейскому предложению, предполагалось выделять на цели глобального развития. Эту идею не поддержали ни США, ни Китай, ни Индия, ни Россия, ни Великобритания — а ведь такая инициатива, веро-

---

[16] В декабре 2015 г. Конгресс США утвердил реформу квот и управления МВФ, принятую в 2010 г. В результате Бразилия, Китай, Индия и Россия вошли в число десяти крупнейших участников фонда.

[17] В МВФ долю растущих и развивающихся стран решено было увеличить с 39,4 до 44,7%, сократив соответственно долю развитых государств. Реформы системы голосования во Всемирном банке дали развивающимся странам долю в 47,19%. В значительной степени эти изменения проводятся за счет европейских государств, что усугубляет обеспокоенность в европейских столицах по поводу сокращения собственного влияния в институтах глобального управления в будущем. Но при этом они понимают, что сопротивление реформам приведет к эрозии таких институтов и умножению числа альтернативных блоков во вред интересам самого ЕС.

[18] Wroughton L. G20 fails to endorse financial transaction tax // Reuters.com. Available at: http://www.reuters.com/article/g20-tax-idUSN1E7A302520111104 (accessed: 12.09.2016).

ятно, могла положить начало более серьезному и предметному разговору о пересмотре либеральных правил финансового регулирования в мире.

Одна из важных причин неудачи принципиальной линии ЕС на отстаивание многосторонности состоит в том, что на практике сам Евросоюз нередко отдает приоритет прагматичной защите собственных интересов вопреки декларируемому намерению усиливать международные институты. К тому же в целом к многосторонности и объединению суверенитета на международном уровне более склонны малые страны ЕС, а крупные (начиная с Германии и Франции) предпочитают свободнее сочетать ее с односторонностью и «министоронностью»[19] в своем внешнеполитическом инструментарии. Сохраняется явный зазор между коллективными и национальными интересами государств — членов ЕС, который стал особенно заметным на примере исключительной роли Берлина в преодолении финансового и экономического кризиса в еврозоне и настойчивого желания Германии получить статус постоянного члена в Совете Безопасности ООН[20]. В ущерб цели обретения такого статуса Евросоюзом Германия сформировала группу давления, куда также вошли Япония, Индия и Бразилия. Против этого возражают другие страны ЕС, в особенности Италия и Испания, тогда как Франция и Великобритания (сами являющиеся постоянными членами СБ) поддерживают реформу ООН скорее на словах.

Таким образом, несмотря на общую приверженность ЕС «эффективной многосторонности» как способу продвижения к глобальному управлению и повышения управляемости многополярной международной системы, можно констатировать сохраняющийся разрыв между коллективными европейскими интересами и приоритетами отдельных стран Евросоюза. Пробуксовка Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО, как и неблагоприятные для ЕС результаты Копенгагенской конференции 2009 г. по климату, демонстрируют пределы возможного для Брюсселя в плане применения многосторонних подходов в многополярном мире.

---

[19] Министоронностью (minilateralism) называют дипломатический процесс с участием ограниченной группы заинтересованных сторон, которые взаимодействуют в дополнение или в поддержку усилий международных организаций по разрешению вопросов, считающихся слишком сложными, чтобы заниматься ими непосредственно в многосторонних рамках. Альтернативные наименования — «умная многосторонность», «плюрилатерализм» (в торговле) или «контактные группы». См. подробнее: Moret E. Effective minilateralism for the EU: What, when and how // Brief Issue. 2016. No. 17. P. 2. Available at: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Brief_17_Minilateralism.pdf (accessed: 25.07.2016).

[20] Со стороны ФРГ подобные инициативы исходят с 1990-х годов.

* * *

В настоящее время ввиду проявившейся ограниченности в применении многосторонних подходов, предполагающих работу в международных организациях и институтах, Евросоюз сделал акцент на углубление курса по развитию комплекса двусторонних связей с избранными партнерами. Этот курс выступает в качестве альтернативного пути к совместному с ними решению глобальных проблем.

Мировой экономикой и политикой пока в большей мере движут интересы, а не нормы. Глобальная конкуренция и не вдохновляющие прогнозы в отношении перспектив экономического роста в Евросоюзе относятся к числу факторов, которые способны повышать значимость национальных интересов и в отношениях между членами ЕС. Понимая многообразные и неизбежные ограничения в применении многосторонности, официальный Брюссель, пытаясь ее укрепить, стремится к выстраиванию «веера» двусторонних стратегических партнерств с особо значимыми для него странами. Однако, по замечанию Томаса Ренарда, подобный билатерализм не во всех случаях совместим с многосторонностью, поскольку «порой он может негативно сказываться на процессах региональной интеграции или строительстве эффективного многостороннего порядка» [Renard, 2015]. Скажем, с определенного момента для ЕС двусторонние отношения с Бразилией стали важнее межрегиональных связей с МЕРКОСУР, крупнейшим участником которого она является (переговоры о торговом соглашении с МЕРКОСУР ЕС ведет уже много лет без видимого успеха).

Термин «стратегическое партнерство» впервые появился в европейском лексиконе в 1998 г. в приложении к России, переживавшей в тот момент острый финансовый кризис. Евросоюз проявил в такой форме стремление поддержать нашу страну, с которой в 1994 г. он заключил соглашение о партнерстве и сотрудничестве. К тому времени у ЕС уже сложились прочные партнерские отношения с Канадой, США и Японией, в основе которых поначалу не было формальных соглашений. В ЕСБ-2003 отношения с США получили характеристику «незаменимых».

Как следовало из ЕСБ-2003, к числу стратегических партнеров ЕС на тот период были отнесены США, Россия (единственная европейская страна в этом списке), Япония, Китай, Канада и Индия. Такие государства, как Австралия, Индонезия и Турция, являясь стратегическими партнерами Евросоюза де-факто, не имеют соответствующего формального статуса. Остальные стратегические партнерства (с Бразилией, Мексикой, Южно-Африканской Республикой и Республикой Корея) были учреждены в период с 2003 по 2010 г., уже после принятия ЕСБ.

Все перечисленные стратегические партнеры ЕС входят в G20. Евросоюз является крупнейшим торговым визави для 6 из названных 10 стран: Бразилии, Китая, Индии, России, Южной Африки и США. Подход Брюсселя к стратегическим партнерствам включает три элемента: 1) торговлю и инвестиции; 2) продвижение многосторонности и укрепление международного сотрудничества; 3) коллективные обязательства в вопросах безопасности.

Идея стратегического партнерства подразумевает долговременные взаимовыгодные отношения и совместное принятие решений. Особую важность имеют два критерия: нормативная конгруентность (но к далеким от Европы развивающимся странам, начиная с КНР, в этом вопросе Брюссель относится заметно снисходительнее, нежели к России) и значимость отношений с ними для ЕС в плане экономики и финансов. Предлагая стратегические партнерства в начале 2000-х годов, Европейская комиссия (ЕК) в первую очередь имела в виду именно укрепление глобальной роли Евросоюза в экономике, а также обеспечение экономической безопасности ЕС. Ежегодные (дважды в год с Россией) саммиты, министерские встречи и отраслевые диалоги между представителями ЕС и указанных стран проходили регулярно. Впрочем, в случаях с Бразилией, Китаем, Россией, Индией и Южной Африкой это не помогло преодолеть существенные расхождения во взглядах и интересах.

Начиная с 2006 г. стратегия «Глобальная Европа»[21] открыла очередной этап в торговой политике ЕС, определивший его разворот к заключению с важными партнерами двусторонних соглашений о свободной торговле нового поколения. Первое из таких соглашений (между Евросоюзом и Республикой Корея) вступило в силу в 2011 г. [Кривегина, Чермянинов, 2014]. К настоящему времени подписано и находится на стадии ратификации соглашение ЕС–Канада о торгово-экономическом сотрудничестве (CETA), а переговоры ЕС–США о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), начатые в 2013 г., пока не завершены.

Речь в последнем случае идет о соглашении, которое сосредоточено не просто на снижении тарифов во взаимной торговле, а на преодолении нетарифных барьеров: на вопросах регулирования, выработке общих стандартов, обеспечении доступа на рынки и защите инвестиций. Как подтверждает опыт ВТО, не все аспекты

[21] Global Europe: Competing in the World // European Commission. 2006. Available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/october/tradoc_130376.pdf (accessed: 10.09.2016).

регулирования и стандартов могут находить решение в многосторонних форматах, поскольку отдельные страны находятся на разных уровнях развития и, следовательно, имеют различные предпочтения. Однако США и страны Евросоюза — это демократии с сопоставимо высокими уровнями доходов и благосостояния, вследствие чего их цели в области регулирования должны быть в принципе довольно близки. Поэтому в тех областях, где стоит задача выработки общих глобальных правил в области управления экономикой и финансами, ТТИП, как надеются европейские эксперты [Odendahl, Korteweg, 2016], могло бы задавать ориентиры, на которые впоследствии равнялись бы другие страны.

Если отношения ЕС с Россией с 2014 г. пребывают в глубоком кризисе из-за обстоятельств присоединения Крыма к России и в связи с ситуацией на Украине, то к партнерству с другими странами БРИКС Евросоюз продолжает проявлять растущий интерес. Важным побудительным мотивом для такого изменения курса в сторону билатерализма можно назвать кризис легитимности сложившихся на глобальном уровне многосторонних структур, которые во многом отражают уже отошедшие в прошлое геополитические и экономические реалии второй половины XX в. Есть основания как для того, чтобы считать усиление двусторонности в политике ЕС следствием провала некоторых из его недавних многосторонних усилий, так и для того, чтобы усматривать в нем причину недостаточного развития самих многосторонних институтов к настоящему времени.

В 1990-е годы Евросоюз с большей охотой укреплял связи с избранными региональными группировками мира (АСЕАН, МЕРКОСУР). Впоследствии, как мы видим, он стал предпочитать им отношения с избранным кругом значимых для него государств, определив билатерализм как ключевой шаг к достижению «эффективной многосторонности» (управлению мировой экономикой под присмотром многосторонних организаций и на основании обязывающих международных правил).

При этом у Евросоюза и его стратегических партнеров разное понимание многосторонности и не совпадающие мнения по поводу многих конкретных вопросов международной повестки. Десять избранных партнеров и ЕС оказались слишком разношерстной группой, чтобы предложить искомый коллективный ответ на глобальные вызовы [Partnerships for effective multilateralism: EU relations with Brazil, China, India, and Russia, 2008]. Если США, Япония и Канада разделяют с Брюсселем интерес к поддержанию альянса

и ценностей Запада в глобальной рыночной системе, то остальные партнеры стремятся главным образом укрепить собственное положение на международной арене. Для этих стран важнее в первую очередь национальный суверенитет и невмешательство во внутренние дела, а прагматизм в использовании многосторонности сближает их скорее с США, нежели с интегрированной Европой, у которой в этом вопросе все же более принципиальная позиция. Таким образом, резонно усомниться в том, что стратегические партнерства в ближайшем будущем могут быть эффективны в качестве общей стратегии для продвижения многосторонности, тем более после того, как из них выпало такое ключевое звено, как отношения ЕС с Россией.

* * *

Итак, желаемой моделью многополярности для Евросоюза является многосторонняя (управляемая) многополярность, при которой все центры силы были бы верны международному праву и играли активную роль, совместно решая глобальные проблемы в рамках международных институтов и договоров. В то же время в своем подходе ЕС сохраняет элементы европоцентризма, что выдает некоторые сложности его адаптации к миру, который перестал вращаться вокруг Европы.

В долговременном плане Европейский союз как плюрилатеральное региональное объединение естественным образом нацелен на идеальную модель мирового порядка, который базировался бы на интегрированных регионах и «эффективной многосторонности». Неспособность ЕС продвинуться вперед по пути выстраивания такого мирового порядка, ставшая очевидной в настоящее время, грозит Евросоюзу упадком его международной роли и снижением внутренней сплоченности.

В общей заинтересованности Евросоюза и России в более стабильной многополярности допустимо усмотреть потенциальный фундамент для сближения (до известных пределов) их подходов в отношении желаемого мирового порядка. Налаживание/восстановление взаимодействия с Россией представляет для ЕС исключительно большое значение. К тому же и Москва, и Брюссель (в лице главы ЕК Жана-Клода Юнкера) высказываются в пользу диалога между ЕС и ЕАЭС[22], который способен придать импульс

[22] В ЕС увязывают его начало с выполнением минских договоренностей по Украине, что в Москве находят неуместным.

процессу дальнейшего развития регионализма в мире, а ведь в этой сфере, ранее представлявшей магистральное направление дипломатии Евросоюза, в последние годы она в целом не может похвастать большими успехами. Однако, скорее всего, в краткосрочной и среднесрочной перспективе продвижению интересов и ценностей ЕС в мире в большей мере будут отвечать билатерализм и избирательные стратегические партнерства.

Ввиду того, что реформы механизмов глобального управления застопорились, для Евросоюза важно, действуя в международной среде, находить взаимопонимание с широким кругом партнеров, выходящим за рамки официально очерченной «десятки». Замедленный выход ЕС из финансового кризиса 2008–2009 гг. в сочетании с активизацией международной роли растущих держав делает необходимым для него более активный поиск широкого консенсуса в международной политике, который учитывал бы различные точки зрения. Сумеет ли дипломатия ЕС справиться с такой сложной задачей, покажет будущее. В отношении Евросоюза к новым международным организациям, в которых лидируют страны БРИКС, вероятно, со временем произойдет некоторая переоценка в более конструктивном духе. Вместе с тем исключительное место официальный Брюссель будет в ближайшие годы отводить стратегическому партнерству с Соединенными Штатами, чтобы компенсировать относительный упадок своего веса в глобальной экономике и нарастание угроз собственной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов Э. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). С. 4–17.

2. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: Мысль, 1997. С. 802–805.

3. Васконселос А. де. Многополярность, становящаяся «многосторонней» // Геополитика. 2011. Вып. XII. С. 52–73.

4. Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.

5. Громыко Ал.А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 59–63.

6. Косолапов Н.А. БРИКС как международное политическое пространство // Россия в глобальной политике. 2013. № 1. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/number/Proobraz-postkapitalizma-15869 (дата обращения: 25.07.2016).

7. Кривегина А.П., Чермянинов Д.В. Соглашения о свободной торговле как форма интеграции на примере соглашения Европейского союза с Южной Кореей // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2014. № 4 (29). С. 49–63.

8. Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Перспективы. 2013. Доступ: http://www.perspektivy.info/book/videnije_mnogopolarnosti_v_rossii_i_kitaje_i_mezhdunarodnyje_vyzovy_2013-08-31.htm (дата обращения: 25.07.2016).

9. Amtenbrink F. What role for the European Union in shaping global financial governance? // The EU's role in global governance. The legal dimension / Ed. by B.V. Vooren, S. Blockmans, J. Wouters. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 243–258.

10. Caporaso J.A. International relations theory and multilateralism: The search for foundations // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 599–632.

11. Chen Xin. New trends in EU's economic relations with China // Global Economic Observer. 2013. Iss. 1. P. 11–18.

12. Cox R. Social forces, states, and world orders: Beyond international relations theory // Millennium — Journal of International Studies. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 126–155.

13. The EU and effective multilateralism. Internal and external reform practices / Ed. by E. Drieskens, L.G. van Schaik. London; New York: Routledge, 2014.

14. The European Union and multilateral governance / Ed. by J. Wouters, H. Bruyninckx, S. Basu, S. Schunz. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

15. Gowan R. Asymmetrical multilateralism // The European Union and emerging powers in the 21st century / Ed. by T. Renard, S. Biscop. Farnham: Ashgate, 2012. P. 165–183.

16. Grant C., Valasek T. Preparing for the multipolar world: European foreign and security policy in 2020. London: Centre for European Reform (CER), 2007.

17. Grevi G. The interpolar world: A new scenario. Paris: EU Institute for Security Studies, 2009.

18. Hettne B. Interregionalism and world order: The diverging EU and US models // European Union and new regionalism: Regional actors and global governance in a post-hegemonic era. 2nd ed. Farnham Surrey: Ashgate, 2007. P. 107–123.

19. Keohane R.O. Multilateralism: An agenda for research // International Journal. 1990. Vol. 45. No. 4. P. 731–764.

20. Keukeleire S., Hooijmaaijers B. The BRICS and other emerging power alliances and multilateral organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and its view on multilateralism // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52. P. 582–599.

21. Kissack R. Pursuing effective multilateralism. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2010.

22. Langenhove L. van. Building regions — the regionalization of the world order. London: Ashgate, 2011.

23. Lo B. Russia and the new world disorder. London: Royal Institute of International Affairs, 2015.

24. Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40. P. 235–258.

25. Newman E. A crisis of global institutions? Multilateralism and international security. London: Routledge, 2007.

26. Nye J.S. What new world order? // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. No. 84. P. 83–96.

27. Odendahl Ch., Korteweg R. Shaping 21st century trade. TTIP, global standards, and multilateralism. Center for European Reform, 2016. Available at: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/pb_ttip_trade_8april16_0.pdf (accessed: 25.07.2016).

28. Oudenaren J. van. Unipolar versus unilateral: Confusing power with purpose // Policy Review. 2004. Iss. 124. Available at: http://www.hoover.org/research/unipolar-versus-unilateral (accessed: 25.07.2016).

29. Oudenaren J. van. What is multilateral? // Policy Review. 2003. Iss. 117. P. 33–47. Available at: http://www.hoover.org/research/what-multilateral (accessed: 25.07.2016).

30. Partnerships for effective multilateralism: EU relations with Brazil, China, India, and Russia / Ed. by G. Grevi, A. de Vasconcelos. Paris: Institute for Security Studies, 2008.

31. Peterson J., Bouchard C. Making multilateralism effective: Modernising global governance // Multilateralism in the 21st century. Europe's quest for effectiveness / Ed. by C. Bouchard, J. Peterson, N. Tocci. London; New York: Routledge, 2014. P. 13–38.

32. Renard Th. Partnerships for effective multilateralism? Assessing the compatibility between EU bilateralism, (inter-)regionalism, and multilateralism // Cambridge Review of International Affairs. 2015. Vol. 29. No. 1. P. 18–35.

33. Ruggie J.G. Multilateralism: The anatomy of an institution // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 561–598.

34. Saxer M. The comeback of global governance. Ways out of the crisis of multilateral structures // FES Berlin Briefing Papers. 2009. No. 4. P. 1–11.

35. Schaik L. van, Haar B.T. Why the EU is not promoting effective multilateralism: On a fundamental flaw in the European Security Strategy // Clingendael Policy Brief. 2013. No. 21. P. 1–6. Available at: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/Why%20the%20EU%20is%20not%20promoting%20effective%20multilateralism.pdf (accessed: 25.07.2016).

36. Scott D. Multipolar myths and unipolar fantasies // Egmont Royal Institute for International Relations. Security Policy Brief. 2015. No. 60. Available at: http://www.egmontinstitute.be/wp-content/uploads/2015/02/SPB60-.pdf (accessed: 11.09.2016).

37. Slaughter A.-M. A new world order. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004.

38. Telo M. Europe: A civilian power? New York: Palgrave Macmillan, 2006.

39. Wade R. Emerging world order? From multipolarity to multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // Politics and Society. 2011. Vol. 39. No. 3. P. 347–378.

M.V. Strezhneva

THE EUROPEAN UNION'S ADHERENCE TO THE PRINCIPLE OF MULTILATERALISM IN THE CONTEXT OF THE WORLD ORDER TRANSFORMATION

Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997

Moscow State Institute for International Relations (University)
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454

Based on the analysis of the European Union's official documents and the works of the Western, primarily European experts and political theorists, this paper examines the EU political leaders' views on the emerging world order and the conceptual foundations of the EU foreign policy, particularly, the concept of 'effective multilateralism'. This concept emphasizes the member states' commitment to legal obligations and to powerful international regimes. At the beginning of the millennium the EU expected that its model of effective multilateralism could become a global standard, but this has not happened yet. Against the background of a rapid growth of rising powers, starting with China, the global financial crisis and the sovereign debt crisis in the Eurozone have undermined the integrated Europe's global stance. The increasing anxiety of Europeans about maturing multipolarity can exacerbate cleavages within the EU and further reduce its international role.

As a global player, the European Union aims to promote a multilateral rule-based world order and strives to respond to global challenges with solutions coordinated with international and regional organizations, certain pivotal states and nongovernmental actors. The EU approaches to the world order are to some extent consonant with Russian conceptualizations, but are far from being identical with them. Whereas for Russia a desirable world order is polycentric, for the EU it is multilateral. In the EU multilateralism is interpreted as a form of collective transnational action and interstate cooperation in dealing with global challenges. A better understanding of these nuances might prove useful in finding a way out of the current crisis in the Russian-EU relations.

Keywords: the European Union, effective multilateralism, polycentrism, multipolarity, world order, strategic partnerships.

About the author: *Marina V. Strezhneva* — Doctor of Sciences (Political Science); PhD in Government (Manchester University); Head of Sector at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Professor at the Moscow State Institute for International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: m.strezhneva@imemo.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project № 15-18-30069.

REFERENCES

1. Batalov E. 2012. Sovremennye global'nye trendy i novoe soznanie [Megatrends that shape the world]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 10, no. 1 (28), pp. 4–17. (In Russ.)

2. Bull H. 1997. Anarkhicheskoe obshchestvo: issledovanie problemy poryadka v mirovoi politike [The anarchical society: A study of order in world politics]. In *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Anthology of political thought]. Vol. II. Moscow, Mysl' Publ., pp. 802–805. (In Russ.)

3. Vaskonselos A. de. 2011. Mnogopolyarnost', stanovyashchayasya 'mnogostoronnei' [Increasingly 'multilateral' multipolarity]. *Geopolitika*, iss. XII, pp. 52–73. (In Russ.)

4. Baranovsky V.G., Ivanova N.I. (eds.). 2015. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global governance: Opportunities and risks]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

5. Gromyko Al.A. 2012. Izmenyayushchayasya geometriya politsentrichnosti [Changing geometry of global polycentricity]. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no. 2 (8), pp. 59–63. (In Russ.)

6. Kosolapov N.A. 2013. BRIKS kak mezhdunarodnoe politicheskoe prostranstvo [BRICS as an international political space]. *Rossiya v global'noi politike*, no. 1. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/Proobraz-postkapitalizma-15869 (accessed: 25.07.2016). (In Russ.)

7. Krivegina A.P., Chermyaninov D.V. 2014. Soglasheniya o svobodnoi torgovle kak forma integratsii na primere soglasheniya Evropeiskogo soyuza s Yuzhnoi Koreei [The free trade agreement as a form of integration: the case of the agreement between the European Union and South Korea]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, no. 4 (29), pp. 49–63. (In Russ.)

8. Portyakov V.Ya. 2013. Videnie mnogopolyarnosti v Rossii i Kitae i mezhdunarodnye vyzovy [Vision of multipolarity in Russia and China and international challenges]. *Perspektivy*. Available at: http://www.perspektivy.info/book/videnije_mnogopolarnosti_v_rossii_i_kitaje_i_mezhdunarodnyje_vyzovy_2013-08-31.htm (accessed: 25.07.2016). (In Russ.)

9. Amtenbrink F. 2013. What role for the European Union in shaping global financial governance? In Vooren B.V., Blockmans S., Wouters J. (eds.). *The EU's role in global governance. The legal dimension*. Oxford, Oxford University Press, pp. 243–258.

10. Caporaso J.A. 1992. International relations theory and multilateralism: The search for foundations. *International Organization*, vol. 46, no. 3, pp. 599–632.

11. Chen Xin. 2013. New trends in EU's economic relations with China. *Global Economic Observer*, iss. 1, pp. 11–18.

12. Cox R. 1981. Social forces, states, and world orders: Beyond international relations theory. *Millennium — Journal of International Studies*, vol. 10, no. 2, pp. 126–155.

13. Drieskens E., Schaik L.G. van. (eds.). 2014. *The EU and effective multilateralism. Internal and external reform practices*. London, New York, Routledge.

14. Wouters J., Bruyninckx H., Basu S., Schunz S. (eds.). 2012. *The European Union and multilateral governance*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

15. Gowan R. 2012. Asymmetrical multilateralism. In Renard T., Biscop S. (eds.). *The European Union and emerging powers in the 21st century*. Farnham, Ashgate, pp. 165–183.

16. Grant C., Valasek T. 2007. *Preparing for the multipolar world: European foreign and security policy in 2020*. London, Centre for European Reform (CER).

17. Grevi G. 2009. *The interpolar world: A new scenario*. Paris, EU Institute for Security Studies.

18. Hettne B. 2007. Interregionalism and world order: The diverging EU and US models. *European Union and new regionalism: Regional actors and global governance in a post-hegemonic era*, 2nd ed. Farnham Surrey, Ashgate, pp. 107–123.

19. Keohane R.O. 1990. Multilateralism: An agenda for research. *International Journal*, vol. 45, no. 4, pp. 731–764.

20. Keukeleire S., Hooijmaaijers B. 2014. The BRICS and other emerging power alliances and multilateral organizations in the Asia-Pacific and the Global South: Challenges for the European Union and its view on multilateralism. *Journal of Common Market Studies*, vol. 52, pp. 582–599.

21. Kissack R. 2010. *Pursuing effective multilateralism*. Houndmills, Palgrave Macmillan.

22. Langenhove L. van. 2011. *Building regions — the regionalization of the world order*. London, Ashgate.

23. Lo B. 2015. *Russia and the new world disorder*. London, Royal Institute of International Affairs.

24. Manners I. 2002. Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, vol. 40, pp. 235–258

25. Newman E. 2007. *A crisis of global institutions? Multilateralism and international security*. London, Routledge.

26. Nye J.S. 1992. What new world order? *Foreign Affairs*, vol. 71, no. 84, pp. 83–96.

27. Odendahl Ch., Korteweg R. 2016. *Shaping 21st century trade. TTIP, global standards, and multilateralism*. Center for European Reform. Available at: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/pb_ttip_trade_8april16_0.pdf (accessed: 25.07.2016).

28. Oudenaren J. van. 2004. Unipolar versus unilateral: Confusing power with purpose. *Policy Review*, iss. 124. Available at: http://www.hoover.org/research/unipolar-versus-unilateral (accessed: 25.07.2016).

29. Oudenaren J. van. 2003. What is multilateral? *Policy Review*, iss. 117, pp. 33–47. Available at: http://www.hoover.org/research/what-multilateral (accessed: 25.07.2016).

30. Grevi G., Vasconcelos A. de (eds.). 2008. *Partnerships for effective multilateralism: EU relations with Brazil, China, India, and Russia*. Paris, Institute for Security Studies.

31. Peterson J., Bouchard C. 2014. Making multilateralism effective: Modernising global governance. In Bouchard C., Peterson J., Tocci N. *Multilateralism in the 21st century. Europe's quest for effectiveness*. London, New York, Routledge, pp. 13–38.

32. Renard Th. 2015. Partnerships for effective multilateralism? Assessing the compatibility between EU bilateralism, (inter-)regionalism, and multilateralism. *Cambridge Review of International Affairs*, vol. 29, no. 1, pp. 18–35.

33. Ruggie J.G. 1992. Multilateralism: The anatomy of an institution. *International Organization*, vol. 46, no. 3, pp. 561–598.

34. Saxer M. 2009. The comeback of global governance. Ways out of the crisis of multilateral structures. *FES Berlin Briefing Papers*, no. 4, pp. 1–11.

35. Schaik L. van, Haar B.T. 2013. Why the EU is not promoting effective multilateralism: On a fundamental flaw in the European Security Strategy. *Clingendael Policy Brief*, no. 21, pp. 1–6. Available at: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/Why%20the%20EU%20is%20not%20promoting%20effective%20multilateralism.pdf (accessed: 25.07.2016).

36. Scott D. 2015. Multipolar myths and unipolar fantasies. *Egmont Royal Institute for International Relations. Security Policy Brief*, no. 60. Available at: http://www.egmontinstitute.be/wp-content/uploads/2015/02/SPB60-.pdf (accessed: 11.09.2016).

37. Slaughter A.-M. 2004. *A new world order*. Princeton, Oxford, Princeton University Press.

38. Telo M. 2006. *Europe: A civilian power?* New York, Palgrave Macmillan.

39. Wade R. 2011. Emerging world order? From multipolarity to multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics and Society*, vol. 39, no. 3, pp. 347–378.